

ОПАСНЫЕ ЧУВСТВА
КНИГА 2

ОНА ДОЛЖНА БЫЛА СТАТЬ
ЕГО. НО ВЫБРАЛА ЗАПРЕТНОЕ.

Ужасная НЕВЕСТА

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРА «ЕГО УСЛОВИЕ»

L. VEYRON

L Veyron

Чужая невеста

«Автор»

2026

Veyron L.

Чужая невеста / L. Veyron — «Автор», 2026

Ника Лаврова готовится к идеальной свадьбе с Артёмом Ланским — наследником влиятельной семьи. Но на закрытом приёме незнакомец предупреждает её: «Не выходи за него. Ты не знаешь, кто он на самом деле». На следующий день Артём исчезает. Пытаясь понять, что произошло, Ника оказывается втянута в опасную игру, связанную с прошлым семьи Ланских, тайным клубом Velvet и мужчиной, которому она не должна доверять. Чем ближе Ника подбирается к правде, тем сложнее становится выбор между безопасностью, чувствами и собственной свободой. Потому что иногда самое опасное перед свадьбой — узнать, за кого ты на самом деле собиралась выйти.

© Veyron L., 2026

© Автор, 2026

L Veyron

Чужая невеста

ЧУЖАЯ НЕВЕСТА

Серия «Опасные чувства»

Книга 2

L. Veyron

16+

Все персонажи и события являются вымышленными. Любые совпадения случайны.

ГЛАВА 1 — ЧЁРНАЯ КАРТА

За две недели до свадьбы мне сказали не выходить замуж.

Не мама. Не подруга, которая считала Артёма слишком правильным. Не бывший, решивший в последний момент напомнить о своём существовании.

Незнакомый мужчина.

Он сделал это так спокойно, будто предупредил меня о скользких ступенях.

— Не выходите за Ланского.

Я повернулась к нему, всё ещё держа бокал шампанского. За панорамными окнами Петербург рассыпался огнями по чёрной воде. В зале играло трио, официанты бесшумно двигались между гостями, а у дальней стены Артём разговаривал с заместителем губернатора и улыбался той своей сдержанной улыбкой, которую фотографы называли «наследственной». Следом возник вопрос: «Простите?»

Мужчина стоял слишком близко для незнакомца и слишком уверенно для человека, который только что вмешался в чужую свадьбу.

Высокий. Тёмный костюм без галстука. Никакого бейджа. Волосы чуть длиннее, чем позволил бы себе кто-то из окружения Ланских. На правой скуле тонкий старый шрам, почти незаметный, пока свет не падал сбоку.

Он посмотрел на Артёма, потом снова на меня.

— Через две недели будет поздно.

— Для чего?

Последняя реплика свелась к «Для решения, которое действительно будет вашим».

Я рассмеялась. Получилось тише, чем хотелось.

— Вы всегда знакомитесь с женщинами таким способом?

— Только с теми, которые собираются совершить ошибку стоимостью в несколько жизней.

Банкетный зал, где всё ещё пахло шампанским и дорогими цветами. Ни один из нас не произносил этого вслух, однако чёрная карта уже превратила привычную жизнь в плохо освещённый коридор. Мне не нравилось признавать, что Артём казался одновременно самым знакомым и самым непроницаемым человеком в зале. Разговор на секунду остановило «Очень эффектно».

— Я не стараюсь быть эффектным.

Это прозвучало настолько сухо, что я снова посмотрела на него внимательнее. Вопрос «Тогда кто вы?» всё равно пришлось произнести.

Он не ответил.

Вместо этого его взгляд опустился на столик возле моей руки.

Там лежала чёрная металлическая карта.

Я увидела её минут пять назад. Официант поставил передо мной бокал, положил рядом небольшой прямоугольник и исчез прежде, чем я успела спросить, что это. Я решила, что карта

относится к мероприятию. Приглашение в закрытую зону, рекламный трюк, пропуск в какой-нибудь зал для особенно важных гостей.

На матовой поверхности было только одно слово.

VELVET.

— Откуда она у вас? — спросил мужчина.

Его голос изменился впервые. В нём появилось то, чего не было в предупреждении: тревога. Короткое «Мне её принесли» оказалось исчерпывающим ответом. Главным теперь было понять, о ком идёт речь. Разговор на секунду остановило «Официант». Следом возник вопрос: «Как выглядел?» На несколько секунд всё свелось к одному «Как официант».

— Ника.

Я замерла.

— Я не называла вам своего имени.

Он коротко выдохнул, словно сам себе поставил минус. Последняя реплика свелась к «Отдайте карту мне».

Я накрыла её ладонью.

— После того как скажете, кто вы.

Ответ был коротким: «Лев Арсеньев».

Имя ничего мне не сказал. И всё же внутри что-то неприятно дрогнуло: не память, скорее ощущение, что я уже слышала его в разговоре, на который не обратила внимания.

— И почему Лев Арсеньев считает себя вправе обсуждать мою свадьбу?

— Потому что четыре года назад я работал на семью вашего жениха.

Теперь я перестала улыбаться. Вместо предположений пришлось спросить прямо: «Кем?»

— Человеком, которого звали, когда проблему нельзя было доверить полиции.

Оставалось уточнить одно: «Это должно меня впечатлить?» Вместо спора осталось короткое «Нет. Это должно вас насторожить».

— Вы плохо знаете Артёма, если думаете, что мне можно продать страшную историю о его семье за две недели до свадьбы.

— Я знаю Артёма лучше, чем вы.

Я поставила бокал. «На этом разговор окончен» прозвучало без продолжения.

— Спросите его про Северный причал.

Я сделала шаг и остановилась.

— Что?

— Спросите: «Что произошло на Северном причале 14 ноября четыре года назад?» Не объясняйте, откуда узнали. Просто посмотрите на его лицо.

Следующей важной деталью стал вопрос: «Вы больной?» Уверенности в ответе не было.

— И всё-таки пришли сюда.

— Потому что однажды я уже опоздал с предупреждением.

Лев перевёл взгляд на чёрную карту. Собеседник ограничился коротким «Второй раз не хочу».

К нам направлялся Артём.

Я увидела это по тому, как люди почти незаметно расступались перед ним. Он умел двигаться через помещения, будто уже знал, что ему уступят дорогу. Серый костюм, белая рубашка, идеально спокойное лицо. Человек, рядом с которым я впервые за много лет перестала ждать подвоха.

Лев тоже его заметил. Собеседник ограничился коротким «Если он спросит, мы не разговаривали».

— Вы всерьёз думаете, что после этого я буду вам помогать?

На несколько секунд всё свелось к одному «Я рассчитываю, что вы поможете себе».

— Стойте.

Пока Артём разговаривал с гостями, я впервые посмотрела на собственную помолвку со стороны. Всё было выстроено безупречно: имена на карточках, правильные люди за правильными столами, фотографии, которых будто бы не существовало. Даже наши общие воспоминания в этот вечер выглядели частью хорошо подготовленной презентации.

Я знала, как Артём пьёт кофе, как морщит нос, когда врёт о том, что не устал, как засыпает в самолётах раньше взлёта. Но я внезапно не знала, что происходит с его лицом при слове «Velvet». И эта маленькая неизвестность оказалась сильнее сотни знакомых привычек.

Но он уже ушёл.

Не быстро. Не прячась. Просто сделал два шага в сторону группы гостей, и через несколько секунд я потеряла его среди тёмных пиджаков.

Артём подошёл ко мне и легко коснулся пальцами моей талии. Оставалось только одно уточнение: «Ты куда исчезла?» Вместо объяснения осталось только «Стояла здесь». В ответ осталось только «Это философский ответ».

Он поцеловал меня в висок.

От него пахло цитрусом, холодным воздухом и тем древесным парфюмом, который я подарила ему на прошлый день рождения.

До этого вечера я считала собственную жизнь достаточно прозрачной. Не идеальной, не простой, но понятной. У меня была работа в семейной галерее, мать, которая умела превращать любую семейную ссору в светский ужин, и жених, рядом с которым я впервые перестала проверять каждое слово на скрытый смысл. Артём не обещал мне сказку. Наверное, именно поэтому я ему поверила. Он предлагал расписание, билеты, планы на пять лет, привычку звонить после посадки и спрашивать, поела ли я. Надёжность казалась мне формой любви. Теперь я смотрела на него через зал и впервые замечала, сколько в этой надёжности было заранее подготовленных маршрутов. Кто выбирал рестораны, кто решал, где мы будем жить после свадьбы, кто первым произносил слово «разумно», когда мои желания не совпадали с планом семьи Ланских. Раньше это выглядело заботой. После появления чёрной карты те же эпизоды получили другое освещение, и от этого становилось особенно неуютно.

Знакомое. Безопасное.

Я посмотрела ему в лицо.

Спросите про Северный причал.

— Всё нормально? — спросил Артём.

На этот раз спорить никто не стал. На несколько секунд всё свелось к одному «Врёшь». Смысл происходящего свёлся к вопросу: «Почему сразу вру?» Ответ прозвучал почти буднично: «У тебя появляется складка между бровями».

Он коснулся её большим пальцем. Ответ был коротким: «Вот здесь».

Я заставила себя усмехнуться.

— Возможно, я осознала, что через две недели стану Ланской.

Банкетный зал, где всё ещё пахло шампанским и дорогими цветами. Я пыталась держаться за проверяемые факты, потому что чёрная карта уже превратила привычную жизнь в плохо освещённый коридор. Мне не нравилось признавать, что Артём казался одновременно самым знакомым и самым непроницаемым человеком в зале. На это отозвались одним «Ещё не поздно сбежать».

— Свадьбу на четыреста человек отменять дорого.

Вместо новой версии прозвучало «Тогда останься из экономии». На этот раз обошлись одним «Очень романтично».

— Могу попробовать ещё раз. — Он наклонился ближе. — Останься, потому что я тебя люблю.

Я знала, что сейчас должна ответить автоматически.

Я тоже тебя люблю.

Всегда отвечала.

Но взгляд снова упал на чёрную карту.

Артём проследил за ним.

И я увидела, как у него изменилось лицо.

Всего на секунду.

Если бы Лев не сказал мне смотреть, я бы пропустила.

Пальцы Артёма на моей талии стали неподвижными. Разговор упёрся в короткое «Откуда это у тебя?» Пришлось переспросить. Последовало лишь короткое «Карта». Самым простым оставался вопрос: «Принесли с шампанским. А что?»

Он взял её раньше, чем я успела накрыть ладонью.

Слишком быстро. Последовало лишь короткое «Ничего». Имя Артёма вернуло разговор к главному. Разговор на секунду остановило «Рекламная ерунда». Короткое «Ты побледнел из-за рекламной ерунды?» оказалось неизбежным. Собеседник ограничился коротким «Мне жарко». Ничего длиннее «В зале восемнадцать градусов» в ответ не прозвучало.

Он посмотрел на меня, и на этот раз улыбки не было. Следом пришлось вернуться к самому простому: «Кто к тебе подходил?»

Вопрос прозвучал тихо.

Точно так же, как предупреждение Льва. На это отозвались одним «Несколько человек».

— Кто именно?

— Ты решил провести допрос на собственной помолвке?

Моё имя прозвучало предупреждением.

Я почувствовала знакомое раздражение. Артём редко повышал голос. Ему не требовалось. Когда он хотел получить ответ, становился ещё спокойнее, и именно это обычно заставляло людей говорить.

Со мной раньше не работало.

Сегодня почти сработало.

— Ты знаешь, что такое Velvet? — спросила я.

Его челюсть едва заметно напряглась. Отрицание прозвучало сразу.

Ложь.

Я поняла это мгновенно.

И от этого стало холоднее, чем от кондиционеров.

— Хорошо, — сказала я.

Без ответа на «Что хорошо?» остальное теряло смысл. На несколько секунд всё свелось к одному «Ничего».

Он хотел продолжить, но к нам подошла его мать.

Софья Ланская выглядела так, будто родилась уже в платье цвета слоновой кости и с умением улыбаться людям, которых ненавидит. Она поправила на моём плече невидимую складку.

— Через десять минут фотографии, — сказала она. — Артём, тебя ждёт отец.

Ответ прозвучал без украшений: «Пусть подождёт». Последовало лишь короткое «Он уже ждёт».

В их семье это означало приказ.

Артём сжал карту в ладони. Никакого объяснения не последовало — только «Никуда не уходи». Вместо оправданий прозвучало «Я и не собиралась».

Банкетный зал, где всё ещё пахло шампанским и дорогими цветами. Я пыталась держаться за проверяемые факты, потому что чёрная карта уже превратила привычную жизнь в плохо освещённый коридор. Я напредила себе держать дистанцию, потому что Артём казался одновременно самым знакомым и самым непроницаемым человеком в зале.

Он посмотрел на меня ещё секунду.

— И если кто-то снова подойдёт — позвони мне.

Разговор упёрся в короткое «Кто именно?» На несколько секунд всё свелось к одному «Любой».

— Теперь уже очень спокойно.

Софья перевела взгляд с него на меня. Оставалось только одно уточнение: «Что случилось?»

— Ничего, — одновременно ответили мы.

Артём ушёл.

Я смотрела ему вслед и впервые за два года отношений поймала себя на том, что анализирую его походку, плечи, поворот головы — ищу признаки того, что не знаю собственного жениха.

Это было почти оскорбительно.

Я достала телефон.

В поиске набрала: «Северный причал 14 ноября четыре года назад».

Первые ссылки были скучными: складской терминал, ремонт, тендер, смена владельца.

На третьей странице — короткая заметка регионального издания.

«Ночной пожар на территории бывшего терминала. Один человек погиб, двое пострадали. Причина — неисправность электропроводки».

Петербург за стеклом жил своей отдельной жизнью: по набережной ползли красные огни машин, вода под мостами была почти чёрной, а внутри зала официанты продолжали менять бокалы так, будто мир не сдвинулся ни на миллиметр. Мне хотелось вернуться на двадцать минут назад — к моменту, когда самой большой проблемой вечера была рассадка гостей. Но время не двигалось в обратную сторону. Я спрятала карту в клатч и поняла, что уже совершаю первый поступок, о котором не собираюсь рассказывать Артёму. Это оказалось страшнее предупреждения незнакомца. Тайна между двумя людьми возникает не тогда, когда один врёт. Иногда она начинается с секунды, когда второй решает пока не задавать вопрос. Я ещё не знала, что именно скрывает мой жених, но впервые допустила возможность, что рядом со мной существует версия Артёма Ланского, к которой у меня никогда не было доступа.

Без имён.

Я несколько раз собиралась выбросить чёрную карту в урну. Каждый раз останавливала себя.

Не потому, что поверила Льву, а потому, что реакция Артёма уже сделала карту реальной. Внутри меня спорили две женщины: одна хотела закончить вечер, вернуться домой и позволить будущему идти по плану; вторая уже считала секунды между вопросом и ответом, отмечала чужие взгляды и понимала, что прежней спокойной невестой больше не станет.

Я открыла фотографии.

На одной за пожарной лентой стоял мужчина в тёмной куртке.

Моложе. Без шрама на скуле.

Лев Арсеньев.

А рядом с ним — Артём.

Я увеличила снимок.

Они смотрели друг на друга не как коллеги.

Как люди, между которыми только что произошло что-то необратимое. Самым простым оставался вопрос: «Нашли интересное?»

Я вздрогнула.

Рядом стоял Борис Ланский, отец Артёма.

Он был старше сына на тридцать лет и похож на него ровно настолько, чтобы сходство раздражало. Те же серые глаза. Та же привычка сначала смотреть, потом улыбаться. Только в Артёме сдержанность иногда давала трещину. У Бориса — никогда.

— Фотографии с мероприятия, — сказала я, выключая экран.

Ответ прозвучал без украшений: «Надеюсь, хорошие». Короткое «Обычно фотографы вас любят» оказалось исчерпывающим ответом. Ответ прозвучал без украшений: «Фотографы любят деньги».

Он взял с подноса воду. Следующая неопределённость уместилась в вопрос «Вы волнуетесь перед свадьбой?» Последняя реплика свелась к «Пока нет». После паузы прозвучало «Это придёт». Ответ прозвучал почти буднично: «Вы меня успокоили».

— Я не хотел.

Он улыбнулся.

И взгляд скользнул к моей руке.

Карта исчезла вместе с Артёмом.

Борис заметил её отсутствие.

Я была почти уверена.

— Кстати, — сказал он. — Если сегодня вам передадут что-нибудь от организаторов, лучше отдайте Артёму. На таких вечерах слишком много ненужной рекламы.

Я посмотрела на него. Вопрос «Например, металлические карты?» повис между нами.

Пауза длилась меньше секунды. Ответ не стал длиннее одного «Например».

— Забавно. Артём сказал почти то же самое.

— Мы семья.

Он поднял стакан в лёгком приветствии и ушёл.

Мне хотелось догнать Артёма прямо сейчас.

Схватить за руку. Потребовать объяснений. Произнести «Северный причал» и посмотреть, что произойдёт.

Но вокруг были сотни людей. Камеры. Его родители. Моя мать. Общие друзья. Дизайнер, который три месяца сходил с ума из-за рассадки. Девушка из свадебного агентства, готовая физически устранить любого, кто изменит план вечера.

Я решила подождать десять минут.

Потом двадцать.

Потом началась фотосессия без жениха.

Сначала все шутили.

Через пятнадцать минут Софья перестала улыбаться.

Через двадцать Борис куда-то ушёл, не объяснив куда.

Через тридцать охрана закрыла один из выходов.

Я позвонила Артёму.

Телефон был выключен.

— Где он? — спросила я Софью.

— Срочный звонок.

— Полчаса назад?

— Дела.

Оставалось уточнить одно: «Какие?» Вместо новой версии прозвучало «Ника, не сейчас».

— Мой жених исчез со своей помолвки. Кажется, именно сейчас.

Она посмотрела на меня так, словно впервые увидела не будущую невестку, а проблему. На это отозвались одним «Артём вернётся».

— Откуда вы знаете?

— Потому что он всегда возвращается.

В 23:47 мне пришло сообщение с номера Артёма.

«Не приезжай домой. Не звони отцу. Никому не верь.»

Я перечитала три раза.

Потом появилось второе.

Фотография.

Мой свадебный договор лежал на столе. На первой странице красным маркером было обведено моё имя.

Ниже — одно слово.

VELVET.

И третье сообщение:

«Особенно мне.»

ГЛАВА 2 — ИСЧЕЗНУВШИЙ ЖЕНИХ

В полночь я всё ещё стояла посреди зала в платье, которое стоило больше моей первой машины, и пыталась понять, означают ли последние слова Артёма «не верь даже мне» или «особенно не верь мне».

Разница была огромной.

И совершенно бесполезной, пока он не отвечал. Моё имя прозвучало предупреждением.

Мама взяла меня за локоть. Ответ не требовал длинной фразы: «Поедем домой».

Елена Лаврова переживала кризисы так же, как проводила аукционы в своей галерее: чем хуже ситуация, тем безупречнее становилась её осанка.

— Я никуда не поеду, пока не узнаю, где Артём.

Ответ был скупым — «Здесь ты не узнаешь».

— Его семья что-то знает.

Смысл ответа уместился в «Конечно, знает. Это Ланские». Ответ не требовал длинной фразы: «Мам».

Ночной Петербург за стеклом расплывался от дождя. В другой жизни я бы сочла происходящее нелепым, но теперь исчезновение Артёма заставляло каждую мелочь выглядеть улик. Я могла спорить с логикой, но не с тем, что Лев раздражал меня именно тем, что иногда оказывался прав.

— Что? Ты собиралась за них замуж, а не объявить их святыми.

Я посмотрела на неё. Самым простым оставался вопрос: «Ты знала про Velvet?»

Вопрос вылетел раньше, чем я решила его задать.

Мама моргнула. Вопрос «Про что?» повис между нами.

Я слишком внимательно следила за её лицом.

Это было заразно. Короткое «Ничего» оказалось исчерпывающим ответом.

— Не начинай разговаривать со мной его интонациями.

— Чьими?

— Артёма. Он тоже говорит «ничего», когда именно это что-то и означает.

Софья появилась рядом почти бесшумно. Никакого объяснения не последовало — только «Машина Ники у входа».

— Я остаюсь, — сказала я.

Короткое «Это неразумно» не потребовало пояснений. Смысл происходящего свёлся к вопросу: «А ваш сын разумно исчез?»

Её лицо не изменилось, но мама тихо втянула воздух.

— Вероника, — сказала Софья. — Артём уехал по делу. Он свяжется с вами утром.

Вместо оправданий прозвучало «Он уже связался».

Пауза. Нужная ясность начиналась с вопроса «Что написал?»

Вот теперь я увидела страх.

Настоящий.

Не материнское недовольство, не раздражение, не желание сохранить лицо перед гостями.

Страх. Короткое «Что не приедет сегодня» оказалось исчерпывающим ответом.

Я соврала намеренно.

Софья смотрела ещё секунду, затем кивнула. Никакого объяснения не последовало — только «Значит, вам стоит поехать домой». Разговор упёрся в короткое «Почему закрыли выход?» Смысл ответа уместился в «Охрана проверяла сигнализацию».

— Потому что Артём вышел через служебный коридор?

Она не ответила.

— Откуда вы знаете? — спросила я.

— Теперь знаю.

Я развернулась и направилась к служебной части зала. Моё имя прозвучало предупреждением. Последовало лишь короткое «Не надо».

— Вы не понимаете, что происходит.

Я остановилась. Вместо объяснения осталось только «В этом мы наконец согласны».

Охранник у двери попытался преградить мне путь. На этом месте ответ оказался простым: «Госпожа Лаврова, проход закрыт».

— Я не госпожа Лаврова. Пока ещё просто Ника. Отойдите.

Никакого объяснения не последовало — только «Мне велено никого не пропускать». Следом возник вопрос: «Кем?»

Он посмотрел за моё плечо.

Борис Ланский вернулся.

— Мной, — сказал он.

Вместо оправданий прозвучало «Отлично. Тогда объясните, где ваш сын». Ничего длиннее «Не здесь» в ответ не прозвучало. Ответ прозвучал без украшений: «Это я уже поняла». Короткое «Он в безопасности» оказалось исчерпывающим ответом. Дальше требовался конкретный ответ на вопрос «Вы с ним говорили?»

Ночной Петербург за стеклом расплывался от дождя. Я пыталась держаться за проверяемые факты, потому что исчезновение Артёма заставляло каждую мелочь выглядеть уликой. Особенно мешало то, что Лев раздражал меня именно тем, что иногда оказывался прав. Ответ был утвердительным. Следующая неопределённость уместилась в вопрос «Пять минут назад?» Ответ не оставил пространства для подробностей: «Достаточно недавно».

— Позвоните ему.

— Он не может говорить.

Вопрос «Но вам сказал, что в безопасности?» всё равно пришлось произнести. Он произнёс моё имя вместо возражения.

— Нет. Давайте без этой интонации. Либо вы звоните ему при мне, либо я звоню в полицию и говорю, что человек исчез с мероприятия, а его семья блокирует выходы и отказывается объяснять, где он.

Борис приблизился.

Мама сделала шаг к нам, но я подняла ладонь.

— Вы нервничаете, — сказал он негромко.

Прозвучало одно только «Удивительно». Короткое «И делаете ситуацию опаснее» не потребовало пояснений. Оставалось уточнить одно: «Для кого?»

В его глазах что-то изменилось. На это отозвались одним «Для себя».

Это была угроза.

Произнесённая человеком, который через две недели должен был вести меня к алтарю вместо моего умершего отца.

Я достала телефон.

В отсутствие Артёма все начали говорить о нём так, будто он превратился в должность. Пресс-служба обсуждала репутацию, его отец — последствия для сделок, мама — мою безопасность.

Только я продолжала искать человека: тот момент, когда он решил исчезнуть, место, где он оставил телефон, причину, по которой последним предупреждением сделал просьбу не доверять никому. Чем больше вокруг становилось профессиональных объяснений, тем сильнее мне хотелось услышать одно непрофессиональное: «Я испугался». Последовало лишь короткое «Последний шанс».

Борис улыбнулся без тепла. На этот раз обошлись одним «В полицию уже позвонили». Главным теперь было понять, о ком идёт речь. Вместо новой версии прозвучало «Я».

Это сбило меня на секунду. Разговор упёрся в короткое «И что вы им сказали?»

— Что мой взрослый сын покинул частное мероприятие по собственной воле.

Оставалось уточнить одно: «Тогда зачем закрывать двери?»

Он не ответил.

Когда человек исчезает, его вещи вдруг становятся громче. Пиджак Артёма висел на спинке стула, телефонный зарядник остался в гостиничном номере, на столе лежала программа завтрашней встречи с организатором свадьбы. Всё это утверждало, что он собирался вернуться. Я ходила по номеру и собирала признаки обычной жизни, словно из них можно было сложить гарантию безопасности. Мама говорила с охраной, Софья Ланская звонила кому-то из семейной службы безопасности, а Борис Ланский успел распорядиться, чтобы журналисты ничего не узнали. Меня поразило, как быстро исчезновение человека превратилось для его семьи в задачу по управлению информацией. Никто не произносил слова «похищение». Никто не хотел звонить в полицию. И чем настойчивее они требовали терпения, тем сильнее я понимала: для них подобная ситуация не была совершенно новой.

Телефон в моей руке завибрировал.

Не Артём.

Неизвестный номер.

«Выходите через кухню. Сейчас.»

Я подняла глаза.

В дальнем конце коридора, за стеклянной перегородкой, на секунду появился Лев Арсеньев.

И исчез.

— Мне нужно в туалет, — сказала я.

Борис почти рассмеялся. Согласие последовало без колебаний. Без вопроса «Будете сопровождать?» разговор не мог двигаться дальше.

— Не унижайте нас обоих.

Я пошла в противоположную от кухни сторону, досчитала до десяти, свернула за колонну, спустилась по технической лестнице и едва не столкнулась с девушкой из кейтеринга. Вместо предположений пришлось спросить прямо: «Простите. Где кухня?»

Она показала.

Через минуту я уже шла между металлическими столами, коробками и людьми в белых куртках. Никто не остановил. Невеста в вечернем платье посреди служебной кухни выглядела настолько нелепо, что все, видимо, решили не вмешиваться.

В конце коридора дверь открылась раньше, чем я успела коснуться ручки.

Лев втянул меня внутрь.

Я сразу ударила его ладонью по лицу.

Звук получился отчётливым.

Он даже не отшатнулся.

— Заслужил? — спросил он.

На этом месте ответ оказался простым: «На пробу». На этом мы временно сошлись. Без вопроса «Где Артём?» разговор не мог двигаться дальше. Пришлось признать, что ответа нет.

Я ударила бы ещё раз, если бы он не поймал меня за запястье.

Не больно. Просто остановил. После паузы прозвучало «Отпусти». В ответ осталось только «Если обещаете не бить».

— Не обещаю.

Он отпустил всё равно.

— Тогда быстро. Через две минуты Борис поймёт, куда вы ушли.

— Ты сказал, что знаешь моего жениха лучше меня. Так найди его.

Ночной Петербург за стеклом расплывался от дождя. Я мысленно разложила услышанное по полкам и обнаружила, что исчезновение Артёма заставляло каждую мелочь выглядеть улик. Внутренне я злилась на себя за то, что Лев раздражал меня именно тем, что иногда оказывался прав. На это отозвались одним «Я пытаюсь». Смысл происходящего свёлся к вопросу: «Кто ты вообще такой?» Ответ не стал длиннее одного «Уже отвечал».

— Нет. Ты назвал имя и красивую формулировку про проблемы, которые нельзя доверить полиции. Я спрашиваю: кто ты для Артёма?

Лев посмотрел на дверь за моей спиной. Ответ прозвучал без украшений: «Был его другом». Разговор упёрся в короткое «Был?» Никакого объяснения не последовало — только «До Северного причала». Без вопроса «Что там произошло?» разговор не мог двигаться дальше. Ответ был коротким: «Погибла моя сестра».

Злость во мне на секунду провалилась куда-то вниз. Следующая неопределённость уместилась в вопрос «При пожаре?»

— Официально — да.

Разговор упёрся в короткое «Неофициально?»

— Её убили до того, как начался пожар.

Следом возник вопрос: «И при чём тут Артём?»

— Он был последним человеком, который видел её живой.

В коридоре хлопнула дверь.

Лев сразу выключил свет. Следом возник вопрос: «Что ты делаешь?» Ответ не стал длиннее одного «Тише».

Шаги приблизились.

Он встал между мной и дверью. Я почувствовала это даже в темноте — тепло его тела, запах дождя и табака, хотя сигарет я при нём не видела.

Кто-то дёрнул ручку.

Лев положил ладонь мне на плечо.

Я напряглась.

— Не двигайтесь, — прошептал он.

Ручку дёрнули снова.

— Заперто, — сказал мужской голос снаружи.

— Проверить соседнюю.

Шаги ушли.

Лев не убрал руку.

— Уже можно, — сказала я.

Смысл сказанного потребовал уточнения. Вместо объяснения осталось только «Убрать руку».

Он сделал это мгновенно. Вместо оправданий прозвучало «Простите».

Почему-то именно это раздражало сильнее, чем если бы он начал оправдываться.

Свет вернулся. Вместо предположений пришлось спросить прямо: «Кто нас ищет?» Ответ прозвучал почти буднично: «Люди Бориса». Причину всё равно пришлось уточнить.

— Потому что у вас была карта.

Ответ был коротким: «Она у Артёма». На несколько секунд всё свелось к одному «Была».

Лев достал из внутреннего кармана чёрный прямоугольник.

Тот самый.

На одном углу виднелась царапина, которую я заметила, когда вертела карту в руках. Самым простым оставался вопрос: «Где ты её взяла?» Ничего длиннее «Нашёл возле служебного выхода» в ответ не прозвучало. Следом возник вопрос: «И там был Артём?» Отрицание прозвучало сразу.

— Кровь?

Согласия не последовало. Ясности всё ещё не хватало, поэтому пришлось спросить: «Следы борьбы?» Согласия не последовало.

— Тогда откуда ты знаешь, что он не ушёл добровольно?

Лев молчал.

Я подошла ближе. Ответ не стал длиннее одного «Отвечай».

— Потому что перед тем, как исчезнуть, он позвонил мне.

У меня зазвенело в ушах. Оставалось понять, когда это произошло. Разговор на секунду остановило «В двадцать три шестнадцать». Вопрос «Что сказал?» всё равно пришлось произнести. Ответ не оставил пространства для подробностей: «Чтобы я увёз вас из отеля».

— И ты решил начать с загадочного предупреждения про свадьбу?

— Предупреждение было раньше.

Следом пришлось вернуться к самому простому: «Ты разговаривал с ним до приёма?» Согласия не последовало.

Лев раздражал меня своей уверенностью, но ещё сильнее — отсутствием попытки понравиться. Он не просил доверия, не обещал, что всё закончится хорошо, и не делал вид, будто знает ответы на каждый вопрос. От человека с его прошлым я ожидала манипуляции; вместо неё получила список фактов, каждый из которых можно было проверить. Это не делало его безопасным. Наоборот, проверяемая правда иногда опаснее убедительной лжи, потому что после неё уже нельзя вернуться к прежнему незнанию. По дороге я смотрела на мокрые улицы и думала о сестре Льва, о Северном причале и о том, сколько времени Артём провёл рядом со мной, ни разу не произнеся этих слов. Ещё вчера я знала, за кого собираюсь замуж. Теперь я даже не была уверена, знала ли человека, который сделал мне предложение.

Лев не пытался утешать меня, и неожиданно это помогало. Он не говорил, что всё будет хорошо, не обещал вернуть Артёма к завтраку и не называл происходящее недоразумением.

Вместо этого проверял двери, номера машин и время звонков. Рядом с ним страх превращался в список задач. Мне не нравилось, что именно незнакомый мужчина оказался единственным человеком, рядом с которым я могла позволить себе перестать изображать спокойствие.

— Тогда откуда знал, что нужно меня предупреждать?

На это отозвались одним «Потому что у меня есть документы». Нужная ясность начиналась с вопроса «Какие?»

— Те, после которых свадьба Лавровой и Ланского выглядит не романтическим решением, а частью сделки.

Я рассмеялась — резко, почти болезненно. Ответ был коротким: «Вот теперь хватит». По тому, как прозвучало моё имя, я поняла: спор только начинается. Смысл ответа уместился в «Не называй меня так». Ответ был коротким: «Вероника». Вместо оправданий прозвучало «Ещё хуже». Прозвучало одно только «Посмотрите на меня». Разговор на секунду остановило «Не указывай мне».

— Тогда просто слушайте. Ваш отец был связан с Velvet задолго до смерти. Борис Ланский — тоже. Через две недели, в день вашей свадьбы, меняется структура собственности фонда Лавровых. Вы получаете право подписи по архивным активам отца.

— Я получаю его в тридцать лет, а не после свадьбы.

— Вам тридцать через месяц.

Это подтвердили без оговорок.

Смысл ответа уместился в «В брачном договоре дата изменена».

Я замерла.

— Что?

— Право совместной подписи вступает в силу в момент регистрации брака.

Последняя реплика свелась к «Это невозможно. Я читала договор». Ответ прозвучал без украшений: «Вы читали версию, которую вам дали».

— Ты хочешь сказать, что Артём подменил брачный договор?

— Я хочу сказать, что кто-то подменил приложение к нему.

Имя всё равно пришлось потребовать.

— Если бы знал, я бы не стоял в кладовке с невестой человека, которого четыре года считал соучастником убийства сестры.

Тишина стала тесной.

— А теперь он позвонил тебе и попросил спасти меня?

Ответ был утвердительным. Смысл происходящего свёлся к вопросу: «И ты сразу поверил?»

— Нет.

— Но пришёл.

Ответ был утвердительным. Вопрос о причине повис между нами.

Лев посмотрел мне прямо в глаза.

— Потому что он сказал фразу, которую знали только трое. Я, он и моя сестра.

Самым простым оставался вопрос: «Какую?»

— «Если чёрная карта у невесты, значит, они уже внутри».

Снаружи снова слышались шаги.

Лев открыл вторую дверь. Ответ не требовал длинной фразы: «Пойдёмте». Оставалось выяснить, куда именно.

— Туда, где у Бориса нет камер.

Короткое «Я никуда с тобой не пойду» не потребовало пояснений.

— Тогда через минуту вас найдут его люди, заберут телефон, объяснят, что вы устали, и отвезут домой под охраной.

На это отозвались одним «Ты преувеличиваешь».

Уверенности в ответе не было.

Он открыл дверь шире. Без вопроса «Хотите проверить?» разговор не мог двигаться дальше.

Я ненавидела, что выбор выглядел именно так.

— Если ты меня похитишь, — сказала я, проходя мимо него, — я сделаю твою жизнь очень короткой.

— Рад, что мы сразу обсудили границы.

Ничего длиннее «Не шути со мной» в ответ не прозвучало.

— Я не шучу. Вы только что ударили меня через десять секунд после встречи.

На это последовало сухое «Это была вторая встреча». Ничего длиннее «Тем более» в ответ не прозвучало.

Он пошёл первым.

На улице лил дождь.

Чёрный автомобиль стоял в узком переулке. Лев открыл пассажирскую дверь.

Я не села. Ответ не оставил пространства для подробностей: «Последний вопрос».

— У вас их будет ещё много.

— Почему ты не предупредил меня раньше? Если знал про договор, про Velvet, про Артёма — почему пришёл за две недели до свадьбы?

Впервые он отвёл взгляд.

— Потому что до вчерашнего дня я думал, что вы участвуете в этом добровольно.

Ответ ударил сильнее пощёчины. Короткое «Ты считал меня частью их сделки?» оказалось неизбежным.

— Да.

Без вопроса «И что изменилось вчера?» разговор не мог двигаться дальше.

Лев достал телефон и показал фотографию.

Я стояла у витрины своей галереи с папкой в руках. Снимок сделан с другой стороны улицы.

На обороте папки виднелась старая наклейка фонда отца.

— Эта папка была у меня дома, — сказала я.

Стало ясно, что это уже известно. Источник информации внезапно стал важнее самой информации.

— Потому что человек, который сфотографировал вас, через час прислал снимок мне.

Главным теперь было понять, о ком идёт речь. Последняя реплика свелась к «Моя сестра».

Я посмотрела на него.

— Ты сказал, она погибла четыре года назад.

После паузы прозвучало «Я так думал».

Дождь бил по крыше машины.

Лев открыл дверь.

— Теперь понимаете, почему я не хочу снова опоздать?

На этот раз я села.

ГЛАВА 3 — ОПОЗДАВШИЙ

Квартира Льва оказалась не похожа на убежище.

Я ожидала полуподвальное помещение, три монитора на стене и стол, заваленный оружием. Вместо этого мы приехали в обычный старый дом на Петроградской стороне. Высокие потолки, тёмный паркет, книги вдоль стены, кофемашина, которая стояла, вероятно, дороже всей мебели вместе взятой.

— Здесь ты прячешь женщин после неудачных помолвок? — спросила я, снимая мокрые туфли.

Лев бросил на кресло мой плащ. Вся реакция уместилась в короткое «Только по четвергам». Прозвучало одно только «Сегодня суббота». Вместо оправданий прозвучало «Поэтому сервис хуже».

Я посмотрела на часы. Было уже за час ночи. После паузы прозвучало «Мне нужно позвонить маме».

В квартире Льва было слишком тихо для места, где обсуждали исчезновения и смерть. Самое неприятное заключалось в том, что я всё ещё пыталась отличить факты от чужих версий. Я напредила себе держать дистанцию, потому что между мной и Львом возникало опасное доверие, которому я не собиралась давать имя. Вместо спора осталось короткое «С моего телефона». Ответ был коротким: «Даже не начинай». Короткое «Ваш может отслеживаться» оказалось исчерпывающим ответом.

— «Может» — твоё любимое слово?

— После «нет».

Я достала телефон.

Лев протянул руку. Он произнёс моё имя вместо возражения.

— У тебя три секунды, чтобы перестать вести себя как человек, который имеет право отбирать у меня вещи.

На это отозвались одним «Две из них уже прошли». Слово прозвучало без всякого восторга.

Я нажала вызов маме.

Лев выругался едва слышно, но не попытался остановить.

Мама ответила сразу. Нужная ясность начиналась с вопроса «Где ты?» «У знакомого» прозвучало без продолжения.

Лев поднял бровь.

Я отвернулась.

— Какого знакомого? Борис сказал, что ты исчезла через кухню.

Ничего длиннее «Борис много говорит» в ответ не прозвучало.

— Вероника.

— Со мной всё нормально.

Самым простым оставался вопрос: «Артём?»

Я посмотрела на Льва. Вся реакция уместилась в короткое «Пока не знаю».

— Полиция была здесь. Они говорят, оснований считать его пропавшим нет.

Согласие последовало без колебаний.

— Что происходит?

— Мам, у папы когда-нибудь были дела с Ланскими?

На линии стало тихо.

Слишком тихо.

Я закрыла глаза. Ответ не требовал длинной фразы: «Значит, были». Ясности всё ещё не хватало, поэтому пришлось спросить: «Кто тебе это сказал?» Собеседник ограничился коротким «Ответь».

— Это старые дела.

Дальше требовался конкретный ответ на вопрос «Какие?» На это последовало сухое «Не по телефону».

Лев перестал делать вид, что не слушает.

— Почему ты никогда не рассказывала?

— Потому что твой отец умер одиннадцать лет назад, а я надеялась, что вместе с ним закончились и некоторые его ошибки.

Следом возник вопрос: «Ошибки?» Ответ был коротким: «Ника, возвращайся домой». Согласия не последовало. Никакого объяснения не последовало — только «Я не прошу». После паузы прозвучало «А я не двенадцатилетняя».

— Тогда води себя как взрослая и пойми, что иногда незнание — форма безопасности.

В квартире Льва было слишком тихо для места, где обсуждали исчезновения и смерть. Ни один из нас не произносил этого вслух, однако я всё ещё пыталась отличить факты от чужих версий. Мне не нравилось признавать, что между мной и Львом возникало опасное доверие, которому я не собиралась давать имя.

Я почувствовала, как внутри поднимается злость.

— Вот это вы все умеете. Решать за меня, что мне безопасно знать.

— Кто «все»?

Ответ не оставил пространства для подробностей: «Неважно».

— Ты сейчас с кем-то?

На этот раз спорить никто не стал. Дальше требовался конкретный ответ на вопрос «С Арсеньевым?»

Я медленно повернулась к Льву.

Он смотрел на меня так же внимательно. Следом пришлось вернуться к самому простому: «Откуда ты знаешь его фамилию?»

Мама молчала. Вместо объяснения осталось только «Мам». Ответ был коротким: «Уходи от него». Причину всё равно пришлось уточнить.

— Потому что всё, к чему прикасается этот человек, заканчивается плохо.

Лев усмехнулся без веселья. Нужная ясность начиналась с вопроса «Это мнение Ланских или твоё?» На этот раз обошлись одним «Моё». Разговор упёрся в короткое «Вы знакомы?» На этот раз обошлись одним «Я видела его дважды. Этого хватило». Следующим вопросом стало место. Никакого объяснения не последовало — только «После смерти его сестры».

Я села на край дивана.

— Ты знала Ингу?

Лев резко поднял голову.

— Ника, — сказала мама. — Сейчас ты положишь трубку, закажешь такси и приедешь ко мне. Я объясню всё, что могу.

— «Что можешь» — это сколько процентов от правды?

Ничего длиннее «Не начинай» в ответ не прозвучало. Ответ был коротким: «Я уже начала».

Я завершила вызов.

Через две секунды мама перезвонила. Я выключила звук.

Лев стоял у окна.

— Она была на похоронах, — сказал он.

Следующей важной деталью стал вопрос: «Ты помнишь?»

— Я помню всех, кто был на похоронах, которых не должно было быть.

Вопрос о причине повис между нами. Вся реакция уместилась в короткое «Потому что гроб был закрыт».

Я замерла.

— Ты не видел тело?

Ответ был отрицательным. Ответ прозвучал без украшений: «Но полиция подтвердила личность».

В квартире Льва было слишком тихо для места, где обсуждали исчезновения и смерть. Нормальность обстановки только сильнее подчёркивала, что я всё ещё пыталась отличить факты от чужих версий. Именно поэтому следующий вопрос пришлось формулировать осторожнее: между мной и Львом возникало опасное доверие, которому я не собиралась давать имя. Собеседник ограничился коротким «По ДНК».

— Тогда как она может быть жива?

Он повернулся. Прозвучало одно только «Вот это я и хочу узнать».

Лев открыл ноутбук. На экране появилась папка с десятками файлов. В ответ осталось только «Сядьте».

— Я уже сижу.

— Тогда постарайтесь не перебивать хотя бы две минуты.

Последняя реплика свелась к «Невыполнимое требование». Разговор на секунду остановило «Я заметил».

Ночью квартира Льва постепенно раскрывала его лучше любых признаний. Книги стояли в два ряда, кружки были разными, на подоконнике засыхал базилик, который явно пытались спасти слишком поздно. Ни одной семейной фотографии.

Ни одной вещи, оставленной просто ради красоты. Человек, который предупреждал меня о цене ошибки, жил так, словно давно перестал разрешать себе случайности. Это знание не делало его безопаснее, но делало живым — и поэтому опаснее для моей осторожности.

Он открыл первый документ.

Скан брачного договора.

Мой.

Я узнала каждую страницу, каждую правку юристов, даже дату на последнем листе. Нужная ясность начиналась с вопроса «Откуда он у тебя?» Ответ прозвучал почти буднично: «Артём прислал три дня назад». Без вопроса «Вы общались?» разговор не мог двигаться дальше. На этот раз обошлись одним «Одно сообщение. Без приветствий».

Лев прокрутил вниз. Вместо объяснения осталось только «Это версия, которую подписали вы». Ответ был утвердительным.

— А это — версия, зарегистрированная в закрытой системе юридического холдинга Ланских.

Квартира Льва постепенно разрушала образ, который я успела придумать. В ней не было ничего демонстративного: ни коллекции оружия, ни фотографий с влиятельными людьми, ни дорогих вещей, выставленных напоказ. Зато были книги с карандашными пометками, старый проигрыватель, аптечка в кухонном шкафу и кружка с трещиной на ручке, которую он почему-то не выбрасывал. У опасных людей, как выяснилось, тоже бывает бытовая жизнь. Эта мысль не успокаивала. Она делала всё сложнее. Гораздо проще бояться человека, если у него нет привычек, усталости и сестры, фотографию которой он хранит в закрытом ящике. Я заметила, что начинаю рассматривать Льва не как функцию в чужой тайне, а как человека, однажды принявшего решение и прожившего четыре года внутри его последствий.

Он открыл второй файл.

Внешне документы были одинаковыми.

Потом Лев выделил приложение номер четыре.

В моей версии там перечислялись картины, доли в галерее, квартира матери и фонд отца — всё, что оставалось личным имуществом.

Во второй версии появился дополнительный пункт.

«Право совместного управления архивными и депозитарными активами Фонда Михаила Лаврова возникает у супругов с момента государственной регистрации брака».

Я перечитала дважды.

— Это подделка.

На этот раз спорить никто не стал. Прозвучало одно только «Моя подпись тоже». Ничего длиннее «Очень хорошая» в ответ не прозвучало. Следующей важной деталью стал вопрос: «И нотариус?» На это последовало сухое «Умер месяц назад».

Я посмотрела на него. Согласие последовало без колебаний. Ответ не оставил пространства для подробностей: «Инфаркт». Согласие последовало без колебаний.

Лев закрыл файл.

— Ваш отец создал фонд за год до смерти. На бумаге — культурные проекты и хранение коллекции. Реально через фонд проходили права на три складских терминала, два депозитария и архив страховых сертификатов.

В ответ осталось только «Он занимался логистикой до галереи».

Это подтвердили без оговорок.

Нужная ясность начиналась с вопроса «И что в этом криминального?»

— Само по себе — ничего. Но один из терминалов назывался «Северный причал».

Я почувствовала, как холод снова ползёт вдоль спины. Разговор упёрся в короткое «Тот самый?» Согласие прозвучало без лишних слов. Оставалось уточнить одно: «Который сгорел?»

— Частично.

Самым простым оставался вопрос: «Что хранили там?»

— Людей, которые не должны были существовать в официальных базах.

Я молчала. Вместо предположений пришлось спросить прямо: «Что это значит?»

— Новые документы. Паспорта. биографии. Банковские истории. Иногда компромат. Иногда людей буквально держали там несколько часов или дней перед выездом из страны.

— Ты сейчас рассказываешь мне про какой-то подпольный центр смены личности?

— Я рассказываю, что видел.

— И Артём был частью этого?

Лев не ответил сразу.

— Четыре года назад он помог мне попасть на причал.

Оставалось понять, зачем.

— Инга работала в юридическом отделе Ланских. Она нашла переводы и документы, которые не сходились. Пришла ко мне. Я в то время работал в службе безопасности семьи и, как идиот, считал, что смогу решить всё внутри.

Короткое «Ты рассказал Артёму» оказалось исчерпывающим ответом. Согласие прозвучало без лишних слов.

— А он?

Ничего длиннее «Сказал, что поможет» в ответ не прозвучало. Без ответа на «Помог?» остальное теряло смысл.

Лев провёл большим пальцем по шраму на скуле.

— В ту ночь Инга должна была передать нам копию реестра. Вместо этого начался пожар. Я получил ножом в лицо, Артёма вытащили его люди, а Ингу нашли мёртвой.

Ответ прозвучал почти буднично: «Но теперь она жива». Уверенности в ответе не было. В ответ осталось только «Фотография могла быть старой».

— На витрине за вами афиша выставки, которую открыли вчера.

Он увеличил снимок. Действительно. Следом пришлось вернуться к самому простому: «Кто прислал?»

— Номер, зарегистрированный в Эстонии. Через пять минут отключился.

Вопрос «Ты ответил?» всё равно пришлось произнести. Ответ свёлся к ««Где ты?»». Продолжения всё равно пришлось потребовать. На этом месте ответ оказался простым: «Ничего».

Я встала и прошлась по комнате.

Слишком много фактов. Каждый объяснял один вопрос и создавал три новых. Вопрос «Почему Артём прислал тебе договор?» повис между нами. Пришлось признать, что ответа нет.

— Почему не пришёл и не сказал мне?

Пришлось признать, что ответа нет.

— Почему позвонил именно тебе, если вы четыре года враги?

Пришлось признать, что ответа нет.

— Удивительно полезный человек.

Прозвучало одно только «Я не обещал быть удобным».

— Ты вообще редко что-то обещаешь?

Прозвучало одно только «То, что могу выполнить». Вместо предположений пришлось спросить прямо: «Например?»

Он посмотрел на меня. Ответ не стал длиннее одного «Я не буду вам врать».

Я рассмеялась. Вместо оправданий прозвучало «Уже врешь». Оставалось выяснить, где именно.

— «Я не знаю». Ты слишком много знаешь, чтобы всё время ничего не знать.

Он закрыл ноутбук. Вопрос «Хорошо. Что именно хотите услышать?» всё равно пришлось произнести. Короткое «Правду про Артёма» не потребовало пояснений.

— Я не могу дать вам правду про человека. Только факты.

— Давай факты.

— Он скрывал от вас связь наших семей. Он не рассказал о поддельном приложении сразу. Он был на Северном причале в ночь, когда я потерял сестру. После этого он остался работать с отцом ещё четыре года.

Каждое предложение было точно туда, куда я не хотела смотреть. Короткое «Ещё» не потребовало пояснений.

— За последние шесть месяцев он трижды переводил деньги компании, связанной с Velvet.

Прозвучало одно только «Может, не знал». На это последовало сухое «Может». Никакого объяснения не последовало — только «Ты же обещал факты».

— Факт: переводы были.

Вся реакция уместилась в короткое «Ещё».

Лев посмотрел на меня дольше.

— Он начал искать меня через неделю после вашей помолвки.

Оставалось понять, зачем.

— Сказал, что хочет закончить то, что не закончил четыре года назад.

Следом возник вопрос: «А ты?» Ответ не стал длиннее одного «Послал его». На этот раз обошлись одним «Очень зрело». В ответ последовала короткая благодарность.

— Почему потом всё-таки взял договор?

— Потому что он приложил фотографию вашей подписи на оригинале и фотографию поддельной страницы. И написал: «Теперь это касается не только нас».

Я сжала пальцы. Короткое «Ты мог связаться со мной сразу» оказалось исчерпывающим ответом. Вместо объяснения осталось только «Мог».

— Но не связался.

Отрицание прозвучало сразу.

— Почему?

Он не отвёл взгляд. Короткое «Потому что думал, что вы знаете» оказалось исчерпывающим ответом. На несколько секунд всё свелось к одному «Ты уже говорил».

— И потому что не хотел снова иметь ничего общего с Ланскими. Даже через вас.

Это было неприятно честно.

— Значит, ты всё-таки способен отвечать прямо.

Разговор на секунду остановило «Иногда».

Телефон на столе завибрировал.

Не мой.

Лев схватил свой аппарат.

На экране появилось сообщение.

Он прочитал, и лицо стало жёстким. Смысл сказанного потребовал уточнения. Ответ был скупым — «Ничего». Оставалось уточнить одно: «Ты серьёзно?»

Я подошла и выхватила телефон прежде, чем он успел убрать.

Он мог остановить. Не стал.

Сообщение состояло из одной фотографии.

Моя квартира.

Дверь открыта.

На полу разбросаны вещи.

Под снимком:

«Ищите не там». Вопрос «Кто отправил?» всё равно пришлось произнести.

Ночь вытягивалась, и вместе с ней менялось само значение доверия. Раньше мне казалось, что доверять — значит не сомневаться. Теперь это определение выглядело детским. Я сомневалась в каждом человеке в этой истории, включая себя, но всё равно должна была выбирать, с кем садиться в машину, кому показывать сообщение, кому позволить стоять за спиной. Решения приходилось принимать до того, как появлялась уверенность. Лев предлагал не верить ему на слово, и в этом было что-то почти обезоруживающее. Артём два года просил обратного — просто знать, что он никогда не причинит мне вреда. Сидя в чужой кухне под

жёлтым светом, я впервые подумала, что любовь, требующая отказа от проверки, может быть не такой безопасной, как мне хотелось считать.

Мы распечатали фотографии, номера, куски переписки и разложили на полу. Я впервые увидела свою жизнь как чужое дело: дата знакомства с Артёмом, смерть отца, выставки, поездки, банковские документы. В центре лежала фотография Северного причала.

Лев стоял у окна и не вмешивался, пока я сама соединяла точки. Мне важно было сделать это без его подсказки. И когда линия всё-таки сошлась на имени Артёма, я почувствовала не торжество от найденной связи, а усталость от того, как легко любовь превращается в доказательство. На этот раз обошлись одним «Тот же номер». Нужная ясность начиналась с вопроса «Инга?»

— Или тот, кто хочет, чтобы я так думал.

Я уже надевала туфли. Оставалось выяснить, куда именно. Ответ был скупым — «Домой». Отрицание прозвучало сразу. Ответ не требовал длинной фразы: «Это не вопрос». Ответ прозвучал почти буднично: «Там вас ждут». Ответ не требовал длинной фразы: «Там мои документы, ноутбук, вещи отца». Ответ был скупым — «Именно поэтому туда нельзя».

— Лев, послушай внимательно. За последние два часа один мужчина сказал, что мой жених опасен. Жених исчез. Его отец мне угрожает. Мать знает тебя. Кто-то подделал мой брачный договор. Твоя умершая сестра фотографирует меня с другой стороны улицы. А теперь кто-то влез в мою квартиру. Если ты думаешь, что я после этого сяду здесь и буду пить кофе, пока мужчины выясняют, что со мной делать, ты плохо меня понял.

Он смотрел на меня секунды три. Ответ не требовал длинной фразы: «Кофе я всё равно сделаю». Пришлось переспросить.

— Дорога двадцать минут. Вы дрожите.

Вместо новой версии прозвучало «Я не дрожу».

— Ладно.

Он подошёл к кофемашине. Оставалось уточнить одно: «Ты издеваешься?»

— Нет. Через три минуты вы всё равно поедете. Я поеду с вами. Если там засада, мне удобнее, чтобы вы хотя бы не упали в обморок от сахара и стресса.

Собеседник ограничился коротким «Я никогда не падаю в обморок».

— Отлично. Тогда просто выпейте.

Я хотела возразить.

Потом поняла, что он прав: руки действительно дрожали.

— Без молока, — сказала я.

Ответ не оставил пространства для подробностей: «Уже понял».

— Откуда?

Он поставил чашку передо мной.

— На приёме вы трижды отказались от сливок.

Самым простым оставался вопрос: «Ты наблюдал за мной?» Согласие прозвучало без лишних слов. Дальше требовался конкретный ответ на вопрос «Это должно пугать?»

— Вероятно.

Я сделала глоток.

Кофе был именно таким, как я люблю.

Это напугало больше, чем хотелось признать.

Мы приехали к моему дому в два сорок.

Лев оставил машину за квартал. Ничего длиннее «Здесь сидите» в ответ не прозвучало. Ответ был отрицательным.

— Я должен проверить подъезд.

Ответ был скупым — «Проверяй. Я иду за тобой». Разговор на секунду остановило «Тогда хотя бы не впереди». Ответ не оставил пространства для подробностей: «Компромисс. Запиши дату».

Он впервые улыбнулся по-настоящему.

Совсем немного.

И это мгновенно сделало его лицо моложе.

Я почему-то заметила.

Потом разозлилась на себя за то, что заметила.

В подъезде было тихо.

Дверь квартиры не взломана. Замок открыт аккуратно.

— У кого есть ключи? — спросил Лев.

«У меня. У мамы. У Артёма» прозвучало без продолжения.

Он посмотрел на меня. На это последовало сухое «Ничего не говори».

— Я молчу.

Ответ не требовал длинной фразы: «Лицо говорит». Никакого объяснения не последовало — только «Где-то я уже это слышал». Пришлось переспросить. Прозвучало одно только «Ничего».

Мы вошли.

Разгром выглядел выборочно. Подушки вспороты, ящики выдвинуты, книги сняты с двух полок. Но дорогая техника, украшения и наличные лежали на месте.

— Искали что-то конкретное, — сказал Лев.

Ответ не стал длиннее одного «Спасибо, Шерлок».

— Нервничаете — становитесь язвительной?

Вместо оправданий прозвучало «Я всегда такая». Разговор на секунду остановило «Тогда хорошо».

Я прошла в кабинет.

Шкаф был открыт.

На полу валялись папки.

Среди них — та самая старая папка фонда отца с фотографии.

— Она была здесь, — сказала я.

Лев надел перчатки. Ответ был коротким: «Не трогайте».

— Это мой дом.

Никакого объяснения не последовало — только «И чужие отпечатки». Ясности всё ещё не хватало, поэтому пришлось спросить: «Ты всегда носишь перчатки?»

— После одной очень дорогой ошибки — да.

Он поднял папку.

Внутри были счета, фотографии картин, старые договоры аренды.

Ничего особенного.

Я уже хотела сказать это вслух, когда увидела внутренний карман. Уйти так просто не получилось.

Из кармана торчал уголок бумаги.

Я вытащила лист.

Почерк отца.

Я узнала сразу. Крупные буквы с сильным наклоном вправо.

Три строки:

«Если это найдёт Ника — значит, я не успел.

Не доверяй тому, кто первым предложит защиту.

Ключ не в фонде. Ключ — у невесты».

Мы с Львом прочитали одновременно.

Я подняла глаза.

— Очень вовремя насчёт человека, который первым предложил защиту.

Он кивнул. Последовало лишь короткое «Согласен». Следом пришлось вернуться к самому простому: «И что теперь?» Последовало лишь короткое «Теперь вы не должны доверять мне». На это отозвались одним «Удобно».

— Но вы всё равно поедете со мной.

— Почему?

Лев указал на окно.

На противоположной стороне улицы стоял автомобиль с выключенными фарами.

Внутри сидели двое мужчин.

— Потому что они уже нашли вас.

ГЛАВА 4 — ДОМ ЛАНСКИХ

Я не спала до рассвета.

Лев тоже.

Он не пытался сделать вид, что квартира принадлежит нам обоим, не предлагал мне свою спальню с тем театральным благородством, которое часто означает ожидание благодарности. Просто принёс чистое постельное бельё в гостевую комнату, показал, где ванная, и сказал: Короткое «Замок изнутри работает» оказалось исчерпывающим ответом.

Я посмотрела на него.

— Это должно успокоить?

На несколько секунд всё свелось к одному «Надеюсь». Короткое «А если ты захочешь войти?» оказалось неизбежным. Короткое «Постучу» не потребовало пояснений.

Дом Ланских хранил тишину людей, привыкших решать проблемы без свидетелей. В другой жизни я бы сочла происходящее нелепым, но теперь каждая дверь здесь выглядела частью семейного договора. Я могла спорить с логикой, но не с тем, что я всё сильнее чувствовала, что вошла в семью не как невеста, а как неизвестная переменная. Разговор упёрся в короткое «А если я не открою?» Прозвучало одно только «Не войду».

— Даже если решишь, что мне угрожает опасность?

Он задержал взгляд. На этот раз обошлись одним «Даже тогда сначала постучу».

Это был странно точный ответ.

Наверное, потому что последние сутки все вокруг были уверены, что опасность даёт им право распоряжаться мной.

Я закрыла дверь.

Но вместо сна полтора часа читала старые новости о Северном причале, фонде отца и Ланских. К шести утра знала больше, чем хотела, и меньше, чем нужно.

В семь Лев постучал один раз. Ответ оказался утвердительным.

— Ваш телефон.

Я открыла.

Он протянул аппарат.

— Пятнадцать пропущенных. Самый настойчивый — Борис.

Вопрос «Артём?» повис между нами.

Ответ был отрицательным.

Я проверила сообщения.

От мамы: «Позвони».

От Софьи: «Нам нужно поговорить до того, как ты сделаешь что-нибудь необратимое».

От Бориса — семь вариантов одного приказа вернуться.

Последнее:

«Я знаю, что ты с Арсеньевым. Он использует тебя».

Я показала Льву. Оставалось только одно уточнение: «Что скажешь?» Уверенности в ответе не было. Вместо оправданий прозвучало «Ненавижу это слово». Последняя реплика свелась к «Оно честнее большинства уверенных ответов».

Я набрала Бориса.

Лев нахмурился. Смысл происходящего свёлся к вопросу: «Что вы делаете?»

— Договариваюсь о завтраке.

Отрицание прозвучало сразу.

— Ты можешь остаться дома.

— Ника.

Я подняла палец.

Борис ответил после первого гудка. Разговор упёрся в короткое «Где ты?» На этот раз обошлись одним «Доброе утро и вам».

— Ты с Арсеньевым?

Вместо объяснения осталось только «Хочу приехать к вам».

Пауза. Без ответа на вопрос о цели всё остальное теряло смысл.

— Забрать вещи Артёма и поговорить с Софьей.

— Ты не ответила.

— А вы не ответили, где ваш сын.

На это отозвались одним «Я уже сказал».

— «В безопасности» — не адрес.

Ответ прозвучал без украшений: «Приезжай. В десять».

— В девять.

Вопрос о причине повис между нами. Ответ был коротким: «Не люблю, когда мне назначают время».

Я отключилась.

Лев смотрел на меня как человек, которого только что заставили наблюдать самоубийственную импровизацию. Смысл ответа уместился в «Даже не начинай». Ответ был скупым — «Вы собираетесь в дом Бориса Ланского». На этот раз спорить никто не стал.

— После того как он прислал людей к вашей квартире.

— Мы не знаем, что это были его люди.

По тому, как прозвучало моё имя, я поняла: спор только начинается. Вместо новой версии прозвучало «Ты сам учил меня фактам».

Дом Ланских хранил тишину людей, привыкших решать проблемы без свидетелей. Нормальность обстановки только сильнее подчёркивала, что каждая дверь здесь выглядела частью семейного договора. Я напомнила себе держать дистанцию, потому что я всё сильнее чувствовала, что вошла в семью не как невеста, а как неизвестная переменная.

Он сжал губы. Смысл ответа уместился в «Не используйте мои слова против меня». Собеседник ограничился коротким «Поздно». Оставалось только одно уточнение: «Хорошо. Допустим. Зачем?»

— Потому что Софья боится.

Ответ прозвучал почти буднично: «Она мать пропавшего человека».

— Нет. Она боялась карты до того, как поняла, что Артём пропал.

Лев молчал.

— И ещё потому, что Борис уверен: я побегу от них. Я сделаю обратное.

«Это не шахматы» прозвучало без продолжения.

— А он думает, что шахматы. Значит, пусть ошибётся в моём ходе.

— Вы понимаете, что он может просто не выпустить вас?

— Поэтому ты поедешь со мной.

На этот раз обошлись одним «Только что предлагали остаться». Вместо спора осталось короткое «Я передумала». Ответ не стал длиннее одного «Впечатляет скорость».

— Ты же хотел, чтобы я тебе не доверяла. Поздравляю: теперь будешь сидеть за рулём и ждать моего сообщения каждые пять минут.

Он провёл ладонью по лицу. Вопрос «Вы всегда настолько упрямы?» всё равно пришлось произнести.

— Нет. Иногда я сплю.

В девять без трёх я стояла перед домом Ланских на Каменном острове.

Лев остановил машину в конце улицы.

— Если через пять минут не напишете точку — я захожу.

На этот раз обошлись одним «Ты сказал, что сначала постучишь».

Дом Ланских был устроен так, чтобы человек чувствовал себя гостем даже после нескольких лет знакомства. Слишком широкие коридоры, слишком тихий персонал, закрытые двери без табличек.

Раньше я принимала эту холодность за семейный стиль. Теперь замечала камеры в углах, считыватели на дверях, привычку Бориса Ланского говорить просьбами, которые невозможно было принять за просьбы. Я шла по дому и впервые понимала, сколько власти может скрываться в хорошем воспитании.

— Это касалось спальни.

Вместо оправданий прозвучало «Условия меняются быстро».

— С людьми Бориса — да.

— И что ты сделаешь, если войдёшь? Уложишь охрану по одному?

На этом месте ответ оказался простым: «Постараюсь вежливо».

— Очень убедительно.

Он протянул мне маленький наушник. Согласия не последовало. Причину всё равно пришлось уточнить.

— Потому что я не буду ходить по дому будущего свёкра с тобой в ухе.

На несколько секунд всё свелось к одному «Формулировка ужасная».

Дом Ланских всегда казался мне слишком большим, но раньше я списывала это на деньги. Теперь пространство выглядело частью системы. Коридоры позволяли людям проходить, не встречаясь; двери закрывались без звука; камеры были спрятаны так хорошо, что их замечал только тот, кто знал, куда смотреть. Я бывала здесь десятки раз, ужинала на террасе, выбирала ткань для штор в нашей будущей спальне и ни разу не задавалась вопросом, почему у семьи есть комнаты, существование которых никто не обсуждает. В богатых домах легко принять секретность за приватность. Разница становится заметна только тогда, когда тебе запрещают задавать вопрос. Я двигалась по знакомому коридору и чувствовала себя гостем в месте, которое ещё неделю назад собиралась назвать своим домом. Сказанное подтвердили без оговорок.

Последняя реплика свелась к «Возьмите хотя бы кнопку тревоги». Нужная ясность началась с вопроса «Это что?»

Он вложил мне в ладонь тонкий брелок.

— Нажимаете дважды — я знаю, что надо заходить.

Следом возник вопрос: «Один раз?»

Дом Ланских хранил тишину людей, привыкших решать проблемы без свидетелей. Ни один из нас не произносил этого вслух, однако каждая дверь здесь выглядела частью семейного договора. Мне не нравилось признавать, что я всё сильнее чувствовала, что вошла в семью не как невеста, а как неизвестная переменная.

— Ничего. Поэтому не нервничайте и не щёлкайте им.

Собеседник ограничился коротким «Я очень спокойный человек».

Лев посмотрел на меня. Собеседник ограничился коротким «Вчера вы ударили меня».
— Ты заслужил.

Никакого объяснения не последовало — только «Именно это говорят спокойные люди».
Я вышла из машины.

Дом Ланских я знала хорошо. Здесь были семейные ужины, дни рождения, переговоры о свадьбе. Я ночевала в комнате Артёма, спорила с ним на кухне в три ночи, помогала Софье выбирать картины для гостиной.

Сегодня всё выглядело иначе.

Охранник открыл дверь, не спросив имени.

Борис ждал в кабинете.

— Где Артём? — спросила я вместо приветствия.

— Сядь.

Ответ был отрицательным. Разговор на секунду остановило «Хорошо. Стой».

Он налил кофе себе, не предложив мне. Короткое «Ты провела ночь с Арсеньевым?» оказалось неизбежным.

— Формулировка специально такая?

— Я задаю вопрос.

Последняя реплика свелась к «А я не обязана отвечать».

— Через две недели тыходишь в мою семью.

Ответ был скупым — «Пока ещё нет».

Это задело.

Едва заметно, но задело. Без вопроса «Лев рассказал тебе про Северный причал?» разговор не мог двигаться дальше.

— Значит, ты знаешь, что он рассказывал.

Вместо оправданий прозвучало «Я знаю, чем он одержим». Ясности всё ещё не хватало, поэтому пришлось спросить: «Его сестрой?» Собеседник ограничился коротким «Виной». Следом возник вопрос: «Она жива?»

Борис замер с чашкой у губ.

Я поняла всё по этой паузе. Никакого объяснения не последовало — только «Ты знал». Вместо спора осталось короткое «Не делай выводы».

— Ты знал, что Инга Арсеньева жива.

— Я знал, что её смерть не была подтверждена так однозначно, как считает Лев.

Самым простым оставался вопрос: «Четыре года молчал?» Ответ не требовал длинной фразы: «Было необходимо». Следом возник вопрос: «Для кого?» «Для неё» прозвучало без продолжения.

— Удивительно, как часто люди у вас защищены именно тогда, когда никто не знает, живы ли они.

Борис поставил чашку.

— Лев не рассказал, почему его сестре пришлось исчезнуть?

Короткое «Расскажи ты» оказалось исчерпывающим ответом. Вместо оправданий прозвучало «Она украла архив». Без вопроса «У Velvet?» разговор не мог двигаться дальше.

Он посмотрел на меня. На этот раз обошлись одним «Значит, уже знаешь название».

— Немного.

Прозвучало одно только «Недостаточно». Ответ не оставил пространства для подробностей: «Просвети». Ответ был отрицательным.

Я рассмеялась. Следующая неопределённость уместилась в вопрос «Серьёзно?»

— Чем меньше ты знаешь, тем выше шанс, что доживёшь до свадьбы.

Ничего длиннее «Вот теперь свадьба звучит особенно привлекательно» в ответ не прозвучало.

Дверь открылась.

Софья вошла без стука.

— Борис, выйди.

Он даже не повернулся. Разговор на секунду остановило «Мы разговариваем». Смысл ответа уместился в «Теперь я буду разговаривать». В ответ осталось только «Софья». Ответ не стал длиннее одного «Выйди».

Я никогда не слышала от неё такого тона.

Борис медленно поднялся. Ничего длиннее «Пять минут» в ответ не прозвучало.

— Столько, сколько потребуется.

Он посмотрел на меня. После паузы прозвучало «Арсеньев не тот человек, которым кажется».

— Забавно. Он говорит про тебя то же самое.

Борис ушёл.

Софья закрыла дверь на ключ.

— Телефон, — сказала она.

Согласия не последовало. Собеседник ограничился коротким «Я не собираюсь отбирать. Выключи».

Я показала экран и включила авиарежим. Без ответа на «Достаточно?» остальное теряло смысл. Ответ был утвердительным.

Она села напротив.

Вблизи я увидела, что она не спала. Тональный крем не скрывал усталость под глазами.

— Артём жив, — сказала она.

У меня перехватило дыхание. Вместо предположений пришлось спросить прямо: «Ты говорила с ним?»

— Вчера. За двадцать минут до того, как он ушёл.

Разговор упёрся в короткое «Где он?» Пришлось признать, что ответа нет. Ответ прозвучал без украшений: «Софья». Короткое «Клянусь» не потребовало пояснений. Вопрос «Что он сказал?» повис между нами.

Она сжала пальцы.

— Что наконец понял, как они собираются использовать вашу свадьбу.

На несколько секунд всё свелось к одному «Кто «они»?»

— Борис и люди, которых он слишком долго называл партнёрами.

Смысл происходящего свёлся к вопросу: «Velvet?»

Софья закрыла глаза.

— Никогда не произноси это слово в этом доме вслух.

Мне нужно было понять, почему.

— Потому что я не знаю, какие комнаты ещё принадлежат нам.

Я почувствовала, как кожа покрывается мурашками. Следующей важной деталью стал вопрос: «Артём знал про поддельный договор?» Никакого объяснения не последовало — только «Узнал несколько дней назад». Разговор упёрся в короткое «Почему не сказал мне?»

— Потому что пытался понять, кто его подменил.

В ответ осталось только «И решил довериться Арсеньеву вместо меня».

— Он решил не втягивать тебя.

— Все сегодня очень заботливые.

— Ника, он испугался.

— Артём?

Софья Ланская умела сохранять достоинство даже тогда, когда вокруг рушился сценарий, написанный ею самой. Она не плакала, не спрашивала, боюсь ли я, и не пыталась убедить меня в невинности Артёма. Вместо этого перечисляла факты, выбирая их так же тщательно,

как украшения к вечернему платью. Впервые я увидела в ней не будущую свекровь, а женщину, которая слишком долго жила рядом с опасными решениями и научилась выживать, называя их необходимостью. Мне не хотелось становиться похожей на неё. Но я уже понимала, как это происходит: сначала человек молчит ради семьи, потом ради безопасности, потом ради того, чтобы не разрушить слишком многое одним признанием. И однажды обнаруживает, что вся его жизнь построена вокруг вещей, о которых нельзя говорить.

Софья говорила осторожнее остальных, но именно поэтому я слушала её внимательнее. Она не защищала Артёма и не обвиняла Льва; вместо этого каждый раз возвращала разговор к тому, кто что видел и когда.

Рядом с ней семейная легенда Ланских начинала распадаться на отдельные решения отдельных людей. Это давало надежду: если система строилась из решений, значит, её тоже можно было разобрать не одним героическим поступком, а десятком точных выборов. На этот раз спорить никто не стал.

Это слово звучало почти неправдоподобно. Я видела Артёма злым, раздражённым, уставшим, даже пьяным однажды после похорон друга. Испуганным — никогда. Следующей важной деталью стал вопрос: «Чего?»

— Что свадьба нужна не ему.

Я села. Ответ не требовал длинной фразы: «Объясни».

Софья посмотрела на дверь.

— Твой отец оставил не только фонд. Он оставил доступ к архиву.

Ясности всё ещё не хватало, поэтому пришлось спросить: «Какому?»

— Никто точно не знает. Михаил был одним из людей, которые строили старую систему хранения для Velvet. Потом захотел выйти.

— И умер.

— Да.

Вопрос «Ты думаешь, его убили?» всё равно пришлось произнести.

— Я думаю, он умер слишком вовремя для некоторых людей.

Комната стала маленькой. Следом возник вопрос: «А Борис?»

Она не ответила.

— Софья.

— Я не знаю, — сказала она наконец. — И это самое страшное, что могу тебе сказать о собственном муже.

У меня завибрировал брелок в кармане.

Один короткий импульс.

Я нахмурилась. Без ответа на «Что это?» остальное теряло смысл. Ответ был скудным — «Ничего».

Брелок снова завибрировал.

Лев не говорил, что он может подавать сигнал мне.

На маленьком экране появилась строка:

«У тебя 60 секунд. Камеры ожили».

— Мне надо идти.

Софья схватила меня за руку.

— Подожди.

Она сняла с шеи тонкую цепочку. На ней висел маленький серебряный ключ.

— Это было у Артёма.

Вопрос «От чего?» повис между нами. Смысл ответа уместился в «Он сказал отдать тебе, если исчезнет».

— Когда?

На это отозвались одним «Вчера».

Я взяла ключ. Следом возник вопрос: «Почему сразу не отдала?» Ответ не требовал длинной фразы: «Потому что надеялась, что он вернётся».

— А сейчас?

Софья посмотрела в сторону двери.

— Сейчас Борис уже знает, что ты приехала не одна.

Снаружи слышались шаги.

Брелок снова завибрировал.

«30 секунд».

— Куда ведёт ключ?

На это отозвались одним «В старый винный подвал под домом».

— И что там?

— Комната, которой нет на планах.

Дверная ручка опустилась.

Борис обнаружил, что закрыто.

— Софья.

Она встала.

— Второй выход через гардероб.

На несколько секунд всё светлось к одному «Ты идёшь со мной».

— Нет.

Причину всё равно пришлось уточнить.

— Потому что если я уйду, он поймёт, что я помогла.

Ответ не стал длиннее одного «Он и так поймёт». Вместо объяснения осталось только «Пусть не сегодня».

В дверь постучали.

— Открой.

Софья подтолкнула меня к панели за книжным шкафом. Моё имя прозвучало предупреждением.

Я остановилась. Пришлось переспросить. Короткое «Если увидишь Артёма...» не потребовало пояснений.

Её голос сломался впервые.

— Скажи, что я всё-таки выбрала его.

Следующая неопределённость уместилась в вопрос «Вместо кого?»

Она посмотрела на дверь.

Ответ был очевиден.

В узком проходе пахло пылью и холодным камнем. Я спустилась на один пролёт и увидела свет телефона.

Лев ждал внизу.

— Вы очень плохо выполняете инструкции, — прошептал он.

В ответ осталось только «Я успела за двадцать секунд».

— Вы приехали сюда. Это уже провал инструкции.

Я показала ключ.

— Зато не зря.

Его лицо изменилось. Оставалось выяснить источник.

— Софья. Артём оставил.

Следом возник вопрос: «Вы знаете, от чего он?» Ответ не требовал длинной фразы: «От комнаты в подвале».

Лев посмотрел вверх, где Борис уже повышал голос. Ответ не требовал длинной фразы: «Тогда у нас две проблемы». Вместо предположений пришлось спросить прямо: «Какие?»

Никакого объяснения не последовало — только «Первая: до подвала отсюда другой коридор». Следом пришлось вернуться к самому простому: «Вторая?»

Он показал на экран телефона.

Камера у заднего выхода транслировала изображение двух мужчин с оружием под куртками. На это отозвались одним «Они тоже знают про комнату».

ГЛАВА 5 — ЧУЖАЯ ВЕРСИЯ

— Ты умеешь стрелять? — спросил Лев.

— Это сейчас обязательный вопрос перед знакомством с семьёй жениха?

Моё имя прозвучало предупреждением. Согласия не последовало.

Он вытащил из кобуры пистолет, проверил магазин и снова убрал. Ответ был скупым — «Тогда держитесь за мной».

В подвале воздух был холоднее, чем наверху. Чем дольше длился этот разговор, тем яснее становилось: история Северного причала переставала быть старой трагедией и становилась живой угрозой. Я напредила себе держать дистанцию, потому что Лев всё чаще говорил со мной как с равной, хотя продолжал пытаться закрыть собой любой риск. На несколько секунд всё свелось к одному «Мы уже проходили эту часть».

— И вы уже один раз проигнорировали.

Ответ прозвучал без украшений: «Но всё ещё жива». Ответ был коротким: «Это не аргумент, который мне нравится».

Мы стояли в узком техническом коридоре между старой частью дома и винным подвалом. Над головой глухо звучали голоса. Где-то наверху Борис требовал открыть кабинет, Софья отвечала холодно и медленно, выигрывая нам время.

Лев выключил экран телефона.

— До комнаты метров тридцать. Если те двое спускаются с другой стороны, встретимся примерно посередине.

— Ты так говоришь, будто планируешь деловую встречу.

Смысл ответа уместился в «Паника делает людей громкими». Разговор упёрся в короткое «А ты никогда не паникуешь?»

Он посмотрел на меня. Собеседник ограничился коротким «Постоянно. Просто тихо».

Эта фраза неожиданно понравилась мне больше, чем должна была.

Мы пошли.

Подвал Ланских я видела раньше, но только парадную его часть: кирпичные своды, стеклянные винные шкафы, стол для дегустаций. Сейчас мы двигались за стеной, по пространству, которого не существовало для гостей.

Серебряный ключ подошёл к неприметной металлической двери.

— Слишком просто, — прошептал Лев.

Следом возник вопрос: «Ты хотел загадку?»

— Я хотел, чтобы Борис не знал про этот замок.

— Софья сказала «комната, которой нет на планах».

— Это не значит, что о ней не знает хозяин дома.

Я повернула ключ.

Дверь открылась.

Внутри не было ни сейфа, ни оружия, ни тайного архива.

Только стол, два стула и старая лампа.

На стене — фотографии.

Я застыла.

На первой отец стоял рядом с Борисом Ланским. Оба намного моложе. За ними — контейнеры, краны, вода.

Северный причал.

На второй была Софья.

На третьей — женщина, которую я никогда не видела, но сразу узнала по форме глаз.

Инга Арсеньева.

Живая.

Фотография сделана не четыре года назад.

На столе перед ней лежала газета с датой прошлого месяца.

— Лев.

Он не ответил.

Просто подошёл к снимку.

Я увидела, как у него дрогнули пальцы. Самым простым оставался вопрос: «Это она?»

Ответ был утвердительным.

Голос стал чужим.

Он снял фотографию со стены и перевернул.

На обороте было написано:

«Не ищи меня, пока не поймёшь, кто открыл дверь».

— Что это значит? — спросила я.

Лев закрыл глаза на секунду. Пришлось признать, что ответа нет. Ясности всё ещё не хватало, поэтому пришлось спросить: «Опять?» В ответ осталось только «Правда не знаю».

Я уже хотела ответить, но услышала шаги.

Не сверху.

За дверью.

Лев мгновенно погасил лампу и потянул меня в угол за тяжёлый стеллаж.

Комната была слишком маленькой.

Мы оказались вплотную.

Его ладонь легла мне на талию, удерживая, чтобы я не задела металлические ящики. Я почувствовала его дыхание у виска.

— Если скажу «вниз» — садитесь на пол, — прошептал он.

— А если скажу «отпусти»?

Рука сразу исчезла. На этот раз обошлись одним «Тогда отпускаю».

Мне стало одновременно легче и почему-то холоднее.

Дверь открылась.

Вошёл мужчина.

По голосу я узнала одного из охранников Бориса.

— Пусто.

Второй остался снаружи.

— Проверь стол.

Мужчина включил фонарик.

Луч скользнул по стене, по фотографиям, по полу.

Остановился в метре от наших ног.

Я перестала дышать.

Лев чуть наклонился, и губы оказались почти у моего уха. Разговор на секунду остановило «Не двигайтесь».

Я бы обязательно сказала что-нибудь язвительное, если бы могла позволить себе звук.

Охранник шагнул ближе.

Телефон в его кармане зазвонил. Ответ был утвердительным.

Пауза. Ответ не требовал длинной фразы: «Она ушла через северную лестницу? Понял».

Он развернулся и вышел.

Лев подождал пять секунд.

— Это не мы, — сказала я.

— Что?

— Северная лестница. Кто-то дал ложный след.

Разговор на секунду остановило «Софья». Вместо объяснения осталось только «Или Артём».

— Если он в доме, я его убью.

Я повернулась к нему. Вместо спора осталось короткое «Ты очень последователен».

— Вчера хотел найти. Сегодня могу найти и убить.

Ответ прозвучал без украшений: «Успокаивает».

Он зажёл лампу.

На столе лежал тонкий конверт, которого мы не заметили сразу.

На нём моё имя.

Я вскрыла.

Внутри — фотография маленькой серебряной шкатулки.

Я знала её. Прозвучало одно только «У мамы дома такая».

В подвале воздух был холоднее, чем наверху. Всё вокруг продолжало выглядеть обычным, хотя история Северного причала переставала быть старой трагедией и становилась живой угрозой. Я могла спорить с логикой, но не с тем, что Лев всё чаще говорил со мной как с равной, хотя продолжал пытаться закрыть собой любой риск.

— Что в ней?

— Не знаю. Она стояла в кабинете отца. После его смерти мама забрала.

На обратной стороне фотографии была комбинация из шести цифр.

140911.

— Дата? — спросил Лев.

Ответ не оставил пространства для подробностей: «Четырнадцатое сентября две тысячи одиннадцатого». Следом возник вопрос: «Что произошло?»

В техническом коридоре не было ничего кинематографичного: трубы, пыль, аварийные лампы. Именно поэтому страх ощущался честнее. Я больше не могла представить угрозу как красивую тайну богатой семьи.

Здесь всё сводилось к двери, за которой могли быть документы, люди или оружие. Лев двигался впереди, но я следила не за его спиной, а за тем, куда сама могу отступить, если всё пойдёт плохо. Это была маленькая перемена, почти незаметная, но важная: я переставала быть человеком, которого ведут. Вся реакция уместилась в короткое «Папа умер пятнадцатого».

Мы переглянулись.

— Едем к вашей матери, — сказал Лев.

Отрицание прозвучало сразу. Причину всё равно пришлось уточнить.

— Потому что Борис уверен, что я побегу к ней. И если мама знает больше, чем сказала, я не хочу приводить к ней людей с оружием.

Ответ не требовал длинной фразы: «Логично».

— Запиши дату.

В ответ осталось только «Уже второй раз предлагаете». Смысл ответа уместился в «И ни разу не записал».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.